



---

**★ ВОЙНА ★  
Я ПОМНЮ**

---

**ПРОЕКТ  
АРТЕМА  
ДРАБКИНА**



★ ВОЙНА ★  
Я ПОМНЮ

# ШТУРМОВИКИ



ЯУЗА-ПРЕСС  
МОСКВА  
2018

УДК 821.161.1-94  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Ш94

Фотографии в книге из архива авторов

**Ш94 Штурмовики.** — Москва : Яуза-пресс, 2018. — 320 с. — (Война. Я помню).

ISBN 978-5-9955-1007-9

Самолеты Ил-2 нужны нашей Красной Армии как хлеб, как воздух» – эти слова И.В. Сталина, прозвучавшие в 1941 году, оставались актуальны до самого конца войны. Задачи, ставившиеся перед штурмовыми авиаполками, были настолько сложными, что согласно приказу Сталина в 1941 г. летчикам-штурмовикам звание Героя Советского Союза присваивалось за 10 боевых вылетов. Их еще надо было совершить, ведь потери «илов» были вдвое выше, чем у истребителей. Любая штурмовка проводилась под ожесточенным огнем противника.

Новая книга проекта Артема Драбкина «Я помню» (<http://igemember.ru>) – это простой и бесхитростный рассказ летчиков-штурмовиков, пилотов грозных «летающих танков».

**УДК 821.161.1-94**

**ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

**ISBN 978-5-9955-1007-9**

© ООО «Яуза-пресс», 2018



**ТИМОФЕЕВА-ЕГОРОВА**  
**Анна Александровна**

---

— Я работала лётчиком-инструктором — и меня послали в штурманское училище. В нём было инструкторское отделение — там в основном были мальчики, а штурманское — в основном девочки. Потом, после этого — опять взяли назад инструктором.

Мне очень из училища запомнилось — там из пединститута были преподаватели грамоты. Помню, немножко опоздала, извинилась, посмотрела — тут мест нет, тут... а там каскадом таким было, и около окна вверху никого нет. Я там и села. Дали задание. Задача была очень простая, я её решила — и сижу. Посмотрела в окошко. Подходит преподаватель:

— Почему вы тут сидите, не работаете?! Выходите, на доске решите!

А ещё все сидят, копаются. Я быстро написала решение на доске — и все списали. Всем — «отлично», а мне — «четвёрку». Потом я его встретила, когда была уже в штурмовом полку. Получили новенький самолёт и летели обратно на фронт. По пути у нас горючего не хватало — и мы сели. Борисоглебск. В нём до войны было лётное истребительское училище, а в войну там стояли Ил-2. Короче

говоря, у меня одна нога не выпускается. Садиться надо, а у меня — нога не выпускается! Я ушла на второй круг, стараюсь всячески — никак не выходит левая нога! Пошла ещё. Ничего не получается. Ещё радио на самолёте не было. Там собралась толпа на аэродроме, чего-то машут, а я всё захожу всячески... и пикированием — ну никак! А потом решила садиться на одну ногу. Зашла потихонечку... держу, держу, чтобы не упала на крыло. Чтобы его удержать, самолёт, чтобы крыло не повредить. Скорость уменьшается, уменьшается, потихонечку крыло опускается... а я ногами шурую... ну и потом — остановился.

**— Крутанулся, наверное?**

— Нет. Как-то удержала. Все бегут. Думаю — сейчас будет мне... Первым бежит преподаватель, который мне четвёрку поставил. Оказывается, Херсонское училище переведено в Борисоглебское. Кричит во всё горло:

— Это наша!!!

Короче говоря, немножко дужку сломала и немножко крыло. Командир полка тоже летал с нами за самолётами, командовал... весь полк же летал. Говорит:

— Анна Александровна, вы молодец, вы спасли самолёт, а то, что там задело, — это механики запросто восстановят: перкаль подмажут, подкрасят — и всё в порядке, полетим дальше.

Вот такая была история с лётным училищем... оно было не военное, а от ОСОАВИАХИМа.

**— Чему учили? Сложно было?**

— Нет. Я ж уже инструктором работала. Учили — теории полётов. Конечно, и летали: на «У-2», «По-2», «Ут-1», «Ут-2», двухместных, трёхместных... лётчик, штурман и пассажир... на тренировочных.

А потом я попала сразу в 130-ю эскадрилью ОАС: отдельная авиаэскадрилья связи при штабе Южного фронта. Все просились на фронт — меня и направили. Сталин тогда переименовал Донецк в город Сталин. Вот туда:

— Раз вы хотите на фронт, то — вот вам ближе к фронту...

Я приехала — а там всё раскурочено... в этом штабе — никого нет. Сторожиха сказала, что все эвакуировались. Правда, начальник ещё сегодня должен прийти. Уже фронт близко. Это — сентябрь 1941 года или даже август. Я думаю — буду ждать. Не знаю, что мне делать. В кабинете начальника окна хлопают, всё разбросано. Стоит диван. Пристроилась на нём. Обрато ехать — у меня денег нет, нет проездного, ничего. Я там забаррикадировалась, укрылась пальто и заснула. Рано утром — стук:

— Кто тут есть?!

Я высунулась:

— Я!

— А я — старший лейтенант Нистаревич из эскадрильи связи штаба Южного фронта! — он так отчеканил. — Приехал за лётчиками — а тут всё разрушено, все эвакуировались.

Я говорю:

— Возьмите меня, я лётчик-инструктор!

— Хорошо. Покажите документы. Вылезайте из засады.

Я вылезла. Посмотрел — документы нормальные. Он мне говорит, что ещё надо лётчиков взять, поедem в военкомат (сказали, что там якобы есть лётчики в госпитале, они уже выписывались). И привёз он нас в 130-ю отдельную авиаэскадрилью связи штаба Южного фронта. А там все — из Испании. Все лётчики — воевали, все — с орденами! Командир эскадрильи — майор Булкин. Прямо все с иголки одеты, и — ордена у них! Вот такая «эскадрилья связи». А тут привезли двоих из госпиталя и одну...

Он так посмотрел на меня:

— А вы что, лётчица?

Я говорю:

— Да.

— Полетите в Симферополь, есть задание. С началом этой эскадрильи. Он будет вас проверять.

Мы слетали. И потом пошли задания.

У него почему-то было злое отношение. Не знаю даже почему. Вот, допустим, ушли в рейд кавалерийские корпуса Пархоменко и Гречко, с ними потеря связи у штаба Южного фронта — «вот летите туда и ищите эти кавалерийские части». В тыл врага! И — на «По-2». Когда только «наган» на поясе. Ну что же, полетела...

— **Одна, без штурмана?!**

— Какой штурман?!

Эти лётчики были истребителями в Испании, летали на «ишаках», «И-16». А потом — на «У-23» летали, такую эскадрилью создали из них. Очень страшная была эскадрилья... отношение было такое у этих «испанских лётчиков»... меня, девчонку, совали в самые тяжёлые дыры. Неприятное было ощущение.

— **Ни с кем не дружили?**

— Не было ни одной женщины, я — одна! С ребятами... Черкасов, штурман, тоже был в Испании, на СБ. Он как-то по-человечески относился. Сборщиков Наум. Алексей Черкасов, блондин...

— **Ещё лётчиков помните?**

— Булкина хорошо запомнила. Когда расформировали — это уже после, Черкасов ко мне приезжал, разыскал меня. Сказал, что Булкина уволили. Он поселился где-то в Крыму. Его все недолюбливали.

— **Булкин сам летал?**

— Не знаю... не летал. А эскадрилья связи — это для него было раем. Отдельная эскадрилья: там своя кухня, свой бензин, всё своё... У него был орден Красного Знамени. Они вообще все считали, что уже навоевались. А тут к нему в эскадрилью — ещё таких лётчиков! Все — боевые. У меня глаза расширились, когда я увидела, как они стоят все в таких формах и все с орденами. Думаю: куда же я попала?!

— **Тогда ж орденов практически не было, да...**

— Да! Воевали в Испании, это же — почёт и уважение! Это — герои из героев!

Вот я и говорю: я полетела. Смотрю — наши отступают. Бегут. Дальше лечу. Ну и потом всё же я нашла кавалерийский корпус, села. И, к счастью, вышел из леса начальник разведки. А я тут, на поляне. И подходит ещё начальник связи при штабе Пархоменко, при его кавалерийском корпусе. Я говорю:

— Где мне найти Пархоменко? А потом уже Гречко, другого командира корпуса.

Он мне нарисовал. Я туда подлетаю, к этой деревне — никого нет. Дальше... потом увидела тоже село, солдаты ведут коней. Села. Говорю:

— Пархоменко надо вручить из штаба фронта пакет.

Он как заорёт на меня сплошным матом:

— Сидят там, трам-тарарам, в штабе фронта!!!..

Наверное, солдат, который вёл меня, доложил, что посыльный из штаба фронта на самолёте. Тот начал материться, кричать. Я говорю:

— Я из штаба фронта, я вам привезла пакет...

Из планшета достаю, отдаю ему.

— А чего ты так пицишь, как баба?!

Ой, с этим Пархоменко... три раза я к нему летала. Только потом уже он опознал, что я девушка...

Очень страшные полёты были.

Потом Гречко разыскивала тоже. Булкин посылал меня в самое пекло.

А у Пархоменко... третий раз, по-моему — даже мотор замёрз, пока он мне нотацию читал. Ужасный матерщинник. И всё слушать приходилось.

Очень сильный мороз был. Самолёт стоял один-одинёшенек, пока я выслушивала эти тирады, и мотор потом не завёлся. Я опять побежала:

— Товарищ начальник корпуса, дайте мне солдата, чтобы дёрнул винт, завести мотор, у меня он не заводится!

Опять мат сплошной. Дал солдата. Но мотор — промёрз. А они — отступают!

— Жги свою птаху, она нас только демаскирует!  
Я говорю:

— Не буду жечь птаху, дайте мне солдата, я сейчас солью масло, попрошу в печке нагреть, и потом горячее назад залью!

Он орёт:

— Жги — и всё!!!

Короче, у меня ничего не получилось. Опять к нему:

— Дайте мне коня и верёвку, чтобы тащил самолёт!

Дал мне двух солдат, выделил... нашли верёвку, привязала я её к самолёту. И — держу за крыло, потому что на ухабах он вот-вот разломится. Потом где-то остановились — я его попросила сообщить в штаб фронта, что мне нужен техник и запчасти... а у него хоть и было радио, но связи не было.

Короче говоря, никто ко мне не прилетел, но я обошлась и без помощника. Солдаты два раза нагревали масло в печке (у женщины дома попросили), заливали, сливали, два раза прогрели мотор, и только потом он запустился — и я улетела.

Господи боже мой! Потом — к Гречко... тоже кавалерийский корпус... а Булкин меня всё посылает и посылает, я уже совсем измоталась. 130 боевых вылетов у меня. И потом уже ему сказала:

— Я у вас больше служить не буду!

Он так разъярился!

— **У вас 130 боевых вылетов на «У-2»?**

— Да.

— **Что тогда считалось «боевым вылетом»?**

— Полёт на розыски. Конников разыскивала, когда наши отступали или наступали, как они на марше, куда они движутся. Попробуй на «У-2»! Надо садить-

ся, спрашивать их: «Куда вы идёте?» Вообще, был кавардак. 1941 год — это очень страшные ощущения. Упаднические. Отступаем и отступаем. Тогда ещё появились большие машины — там новое оружие, «Катюши». Ну, вот эти эрэсы, реактивные снаряды. Фашист — сразу остановился! А мне сказали опять:

— Найдите!

Такие полёты были ужасные, но я нашла эти установки. Гречко — учтивый такой. Говорит:

— Снимите комбинезон, вы вся мокрая, я вас покормлю, напою чаем...

Я говорю:

— Мне надо улетать.

— Нет, — говорит, — в мокром комбинезоне и не думайте!

А потом штаб фронта за такие полёты — даже без Булкина, без командира эскадрильи — меня наградил в конце 1941 года орденом Красного Знамени. Нистаревичу начальник штаба эскадрильи приказал меня привезти туда. И там у себя мне вручали этот орден без Булкина, без его представления.

У меня старший брат занимал большую должность, Василий Александрович. Был депутатом, его в 1937 году арестовали. И — строить Норильск. Более-менее грамотный — взяли в контору. Васе повезло. Его два или даже три раза в Москву с какими-то экономическими планами самолётом привозили. А на Арбате жили его жена и сын. Напротив театра Вахтангова. Такие квартиры! А его под конвоем привозили на Маяковскую площадь в гостиницу всё время с солдатами. Возили в Госплан, утверждать всё, что надо. Там и телефон был в номере,

но солдат всё время был с ним, не разрешал даже жене позвонить. Так ни разу он и не позвонил. И переписки не было: «без права переписки».

— **Вас же из-за этого отчислили из училища?**

— Да. Из Ульяновского. Стали копать всю подноготную, рылись в каждой биографии. А у меня — пять братьев. Обо всех же не напишешь...

— **Вы знали о том, что он арестован?**

— Знала, просто не писала. Стала поумней, помалкивала в тряпочку. Просто не говорила об этом.

— **Кормили хорошо?**

— Хорошо, но не всегда попадаешь к обеду. Потом стали давать свёрток, там бутерброды...

А весной 1942 года меня сожгли под Узюмом на «По-2». Я помню — была молодая зелень... летела в 9-ю армию с приказом штаба фронта об отступлении. Небольшой лесок на горе — и там стоял штаб. Потом выскочила на возвышенность — там поля. А справа лес и впереди лес — это как бы берег Северского Донца. *[Показывает.]* Я — на эту поляну... взглянула — наши «ишачки» дерутся вверху, «И-16». И они побеждают. Смотрю, один «109-й» бабахнулся. Я засмотрелась. И тут чувствую — по мне стреляют! И — проскочили два немецких истребителя. Меня лупят! Надо выскочить! Самолёт загорелся. А они всё заходят и заходят: по мне лупят! Самолёт потом ткнулся носом — я выскочила, побежала. Чувствую — стреляют почти по ногам... я упала. Как они улетят — я бегу к лесу... почему-то голову прятала... лежат прошлогодние кукурузные палки,

и я под те палки почему-то голову совала, а ноги, руки — в стороны, чтобы они подумали, что меня убили и не стали стрелять... а потом опять дальше бегу к лесу. Слава богу, я добежала — и они улетели. Это было 20 мая 1942 года.

Пакет — у меня здесь. Куда идти? Пошла по берегу: где-то внизу должен быть штаб. Смотрю — солдат на большую катушку сматывает провод, который поверху по веткам тянется. Думаю: он меня и приведёт куда надо.

— Ребята, а где штаб?

— Какой тебе штаб? Он давно эвакуировался, все уехали.

— Куда?

Ну, что солдаты знают? Они сматывают катушку. Я — обратно, выбежала на дорогу. Едет грузовая машина, полуторка. Я встала. Он взял, объехал меня — дальше опять стою. Пробегу немножко вперёд — опять стою. Опять машина едет. Опять мимо. А потом достала «наган» — и давай по скатам стрелять! Оттуда выбегает ко мне здоровый парень с орденом, капитан. Схватил за руки, у меня наган выхватил.

— Что безобразничаешь?!

Я наклонилась — и его как тяпну за руку! Он завизжал — и отбежал в сторону. И выходит из машины толстый небольшого роста человек:

— Вы что тут безобразничаете?!

— А вы кто?

— Начальник Политуправления 6-й армии.

— Я, — говорю, — из штаба фронта.

У меня был документ, чтоб всем гражданским и военным оказывать мне всяческое содействие

в выполнении задания. Он у меня лежал вместе с другими бумагами. Показала его. Говорю:

— Мне нужно в штаб 6-й армии.

Когда он прочитал этот документ, сказал садиться в машину:

— Мы вас быстро доведём.

Привезли в санчасть, накормили, спать уложили. Утром дали полуторку — и отвезли в эскадрилью связи.

— **Самолёт загорелся — сгорел?**

— Да. Я тут перепутала. Это второй уже случай. Он загорелся в воздухе. С хвоста он горел, сейчас дойдёт до меня... бак, бензин, мотор... я посадила самолёт, выскочила и побежала.

— **Вы с парашютом летали?**

— Какой там парашют?! Мы же «по земле ходили»! И — в непогоду.

Потом, помню, даже ребята там написали... я иду, когда нашла часть и прилетела обратно, захожу — там КП, и в коридоре большой плакат: «Лётчица летает — у мужчин выходной!» Они все вернулись, «испанские герои» — а я всё на задании.

Потом уже начала бастовать. 130 вылетов у меня там! Потом ещё на меня кричали:

— Вы хулиганить начали!

А я услышала, что поступили самолёты «Ил-2»...

— **Почему начали бастовать?**

— Потому что такое отношение! Посылали меня в самые-самые... Помню, в туман! Не знаю, почему он так. Меня и наградили штаб фронта, а не он.